

ЭТИМОЛОГИЯ

Словарный состав языка представляет собой ту его сторону, которая более всех других подвержена историческим изменениям. Слова меняют свои значения, звуковой облик, что часто делает непонятной связь между формой и значением слова, поскольку она не поддается объяснению с современной точки зрения. Исторические изменения слова затемняют первичную форму и значение слова, его мотивацию, то есть связь первичных формы и значения слова. Реконструкция праформы и первичного значения слова является предметом этимологического анализа.

Этимология (от греч. *etymon* – истина и *logos* – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий происхождение слов. В XIX веке этот термин употреблялся также в значении “грамматика”. Этимология возникла в Древней Греции, но античная этимология строилась на произвольном толковании связи форм и значений слов. Как собственно научная дисциплина этимология складывается одновременно с возникновением в XIX столетии сравнительно-исторического языкознания. Первое изложение теоретических принципов этимологии принадлежит немецкому лингвисту А.Ф. Потту (1802 – 1887).

Мотивировка слова. Содержание многих слов имеет живую, ясную для носителей языка связь между значением слова и сочетанием звуков, которыми данное значение выражено. Например, в русском языке известный цветок *подснежник* назван так потому, что, вероятно, когда-то поразил человека своим ранним появлением весной, когда еще лежит снег – *под снегом*. Так же прозрачна связь между значением и звучанием у слова *кукушка*: птица названа так по издаваемым ею характерным звукам *ку-ку*. Подобные слова являются мотивированными в современном языке, то есть имеют в нем ясную, живую связь между значением и звучанием. В противоположность этому множество других слов в любом языке не имеют ясной для носителей языка мотивировки. Например, факты современного русского языка не дают ответа на вопрос, почему вода называется *водой*, рука – *рукой*, хлеб – *хлебом* и т. д., то есть мотивированная связь между звучанием и значением у таких слов в современном состоянии языка не прослеживается. Показательно, что самые простые, самые частые и важные слова языка, как правило, являются немотивированными.

В основе названия часто лежит один, “бросающийся в глаза” признак из множества признаков, свойственных предмету или явлению. Например, в основу названия птицы *горихвостки* положен ее “бросающийся в глаза” признак: яркий, как бы горящий хвост (*гори* + *хвост* = *горихвостка*). Горихвостка имеет и множество других признаков, отличающих ее от других птиц: форму головы, клюва, размер лапок, определенную форму тела и т. д. Но поскольку включить их все в название невозможно, то достаточно указать на какой-то один признак, чтобы иметь затем представление о птице в целом.

Признаки для обозначения предметов или явлений могут быть не только денотативными, но и функциональными. Например, *подсвечник* – это то, что находится *под свечой*; здесь не берутся во внимание ни размер, ни форма, ни цвет подсвечника, ни материал, из которого он изготовлен. Функциональный признак положен и в основу названия *наперсток* – то, что надевается *на перст*, то есть на палец.

В разных языках и диалектах для обозначения одного и того же предмета или явления могут использоваться различные мотивирующие признаки. Если в русском языке в основу названия *подснежник* положен признак, связанный с ранним появлением цветка под снегом, то в немецком языке признак снега соединяется с представлением о форме цветка (*Schneeglockchen* – *снежный колокольчик*); в английском и французском языках цветок имеет свои собственные дополнительные характеристики (англ. *snowdrop* – *снежная капля*; фр. *perce-neige* – *просверливающий снег, пробивающийся сквозь снег*). Цветок одуванчик в разных русских говорах имеет различные обозначения: в некоторых его называют *пухлянкой*, в других – *летучкой*, в третьих – *молочником* (сок его стеблей по цвету схож с молоком). Очевидно, что в основу наименования одного и того же растения кладутся различные его признаки.

Обозначение одного и того же предмета или явления в разных языках и диалектах может нести в себе как национальные, специфические черты, так и общие признаки, типичные для многих языков. Например, птицу с маленьким хохолком на голове, напоминающим маленькую корону, римляне обозначили как *regaliolus* – *царек* (от *rex* – *царь*), русские называли *королёк*, поляки – *krolik* (*krol* – *король*), итальянцы – *realtino* (*маленький король*), шведы – *kungsfagel* (*птица-король*), немцы – *Zaunkönig* (*король забора*), то есть король, сидящий на заборе.

Мотивировка слова – это сохраняющийся в языке как бы отпечаток движения сознания и мысли, специфики их работы, которая происходила в момент возникновения слова. Мотивированные слова дают более или менее наглядный образ происхождения их значения, раскрывают подход сознания и мысли человека к предмету или явлению, каким он был при самом создании слова. Иногда мотивировку слова называют его внутренней формой, рассматривая ее как соединительное звено, через которое значение слова связывается с его внешней формой.

Мотивировка слова важна при его возникновении или приобретении им переносного значения. В процессе исторического развития мотивировка слова может забыться или же вспоминаться лишь в каких-то специальных, редких случаях. Например, в слове *чернила* связь с *черный* еще достаточно очевидна, хотя признак черного цвета перестал быть характерным для чернил, а само слово стало вступать в смысловые связи с другими, противоречащими его первичной мотивировке: *красные чернила*, *зеленые чернила*, *синие чернила*. Это явление получило название **катахрезы** (от греч.

katachresis – злоупотребление): *малиновый звон, пушечная стрельба (стрелять от стрела), розовое бельё, белые фиалки (фиалка этимологически фиолетовая)* и т. д.

Причины утраты мотивировки разнообразны. Это может быть потеря признака, по которому был назван предмет (*чернила*), выход из употребления мотивирующего слова (*кольцо* сейчас не воспринимается мотивированным исчезнувшим *коло*), расхождение в звуковой форме связанных происхождением слов, переход слова в другой язык и т. д. Забвение мотивировки слов называют **деэтимологизацией**, то есть утратой этимологической связи. Выявлению забытых, утраченных мотивировок способствует этимологический анализ.

Этимологический анализ. Предметом этимологического анализа является **этимон** – забытая, но открываемая при специальном исследовании мотивировка слова. Чтобы установить этимон слова того или иного языка, нужно знать историю этого языка, фонетические и грамматические законы, сопровождавшие его развитие, связи и отношения с другими родственными языками, необходимо также владеть методом сравнительно-исторического исследования языка. При этимологическом анализе выясняется, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, в какой форме и с каким значением возникло слово. При этом прослеживаются дальнейшие исторические изменения его первичной формы и значения, которые обусловили современные форму и значение изучаемого слова.

Так, при этимологическом анализе обнаруживается, что слово *деревня* имеет своим этимоном значение ‘очищенное от леса место для нивы’, которое прослеживается в наиболее древних памятниках. Потом это слово стало употребляться в значении ‘пахотное поле’ (*пахать деревню*), а в значении ‘селение’ стало использоваться только после ХУІ века. Этимологический анализ объясняет, например, что происхождение глаголов *объегорить* и *подкузьмить* – *обжулить* связано с *Егорьевым* и *Кузьминым днями*, когда до введения крепостного права на Руси крестьяне могли переходить от барина к барину. Весной на *Егория* крестьяне договаривались об условиях перехода, а осенью на *Кузьму* получали расчет, староста же норовил их дважды обжулить: 23 апреля на *Егория* *объегорить*, а 1 ноября на *Кузьму* и *подкузьмить*.

Для выявления этимона слова в каждом отдельном языке часто сравнивают мотивировку и историю соответствующих слов в другом или других родственных языках. Например, корень, который обнаруживается в русском слове *дитя*, этимологи находят также в др.-инд. *dhena* – *дойная корова*, др.-греч. *denion* – *молоко*, иранск. *dinut* – *сосу*, готск. *daddjan* – *кормить грудью*; отсюда полагают, что этимон слова *дитя* – *сосущий, доящий молоко*. Сопоставительный этимологический анализ часто возводит к одному источнику, казалось бы, совершенно различные с современной точки зрения слова. Так, немецкое *Elephant* – *слон* и русское *верблюд* этимологи

возводят к одному и тому же источнику. Немецкое *Elephant* восходит к французскому *elephant*, французское же – к латинскому *elephantus*, а латинское – к греческому *elephans*. Современное русское *верблюд* возникло в результате диссимиляции из более раннего *велблюд*, восходящего к готскому *ulbandus*; готское возникло из латинского *elephantus*, восходящего к греческому *elephantos*, которое в греческом, очевидно, из арабского *al ephas*. Что касается значений обоих слов, то первоначальным этимологом для них послужил, вероятно, признак *тяжеловоз*. Вначале это слово обозначало слона как тяжеловоза, позднее в этой же функции появился верблюд, и старое название перешло на него. Со значением *слона* это слово вошло в западноевропейские языки, а со значением *верблюда*, подвергшись звуковым изменениям, через готов пришло в славянские языки.

Этимологические наблюдения показывают, что один и тот же исторический этимон может развиваться в дальнейшем в разных языках по-разному, формируя слова с различными значениями. Например, русское слово *берег* и немецкое *Berg* имеют одинаковое происхождение, но в современных языках это различные слова. *Berg* значит *гора*. В противоположность этому иногда современные одинаковые по значению слова различных языков оказываются основанными на несходных этимонах. Так, в латинском языке слово *femina* (*женщина*) значило *кормящая*, в греческом *potnia* (*женщина*) – *хозяйка*, в английском *woman* (*женщина*) – *труженица*, а русское слово *женщина* опирается на этимон *рождающая*.

Нередко слова переосмысливаются в народном языке, когда их мотивировка кажется неясной. Такие слова стремятся по-своему осмыслить, сделать более понятными, связать в сознании с каким-то знакомым словом. Появление новой мотивировки происходит на основе звуковых и смысловых ассоциаций без учета подлинных генетических связей данного слова и часто связано с переделкой его звукового вида. Например, заимствованные в русский язык слова *пиджак*, *тротуар*, *бульвар* в речи необразованных людей превращались в *синжак* (одевается на спину и со спины), *плитуар* (выложен плитами), *гульвар* (где гуляют). Переосмысление мотивировки слова по случайному сходству с более известным и понятным, основанное лишь на речевом опыте, получило название **народной этимологии**. Народные этимологии чаще всего касаются заимствованных слов, например: *фельетон* – *клеветон*, *микроскоп* – *мелкоскоп*, *инфузория* – *нимфозория*, *кооператив* – *купира́тив*, *ростбиф* – *розбив* и т. д.

Подобные этимологии часто изображаются в художественной литературе. Так, в “Войне и мире” Л.Н. Толстого описывается, как имя молоденького французского барабанщика *Vincent* казаки переделали в *Весенний*, а мужики и солдаты в *Висеню*. Обе переделки напоминали о весне и сходились с представлениями о молоденьком мальчике, а также незначительно расходились с оригинальным звучанием имени.

Н.С. Лесков в своих произведениях отразил не один случай народной этимологии. Например, в “Левше”: “А те лица, которым курьер *нимфозорию* сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный *мелкоскоп* и сейчас же в *публицейские* ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие *клеветон* вышел”.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ